

Вечерняя Москва
19. XII. 59.

Ты сама, как апрель...

ПЬЕСА была задумана 20 лет назад и написана в 1940 году. Поставлена за три месяца до начала войны. С тех пор она пошла на сценах советских, а затем китайских, румынских, чехословацких и многих других зарубежных театров. И будет еще долго идти.

Исполнительница главной роли не намного старше, чем пьеса. В день премьеры она была еще малюткой. Сегодня Ольга Бран, играющая Машеньку в одноименной пьесе А. Афиногенова, трогает и очаровывает зрителя. Я не боюсь этого старомодного слова «очаровывает», ибо оно наиболее точно обозначает чувство, испытываемое юными и пожилыми зрителями, наполняющими театр имени Станиславского.

— Твоя грусть пройдет, по-прежнему. Растает, как снег в апреле. Ты сама, как апрель. Вчера грало солдце, а сегодня снег. Утром было тепло, а к вечеру снова морозы. Но апрельские морозы не страдны. Потому что за апрелем обязательно наступит май. И твой май впереди, Машенька...

Профессор Окаемов (и эту сцену превосходно проводит артист Н. Михайлов) пытается найти слова ласковые и точные, открывающие в людях то, что было раньше скрыто. Но слова мертвы, если не согреты любовью, тревогой за судьбы девушки и ее друзей...

Пришедшая в начале пьесы и угрюмому, одинокому ученому девушка-подросток, робкая, угловатая, болезненно застенчивая, в финале становится душой дома, совестью живущих в нем людей, доброй феей, озарившей теплым светом жизнь всех обитателей окаемовской квартиры.

Вначале пьеса называлась «Апрель». Тема вечной юности нашей жизни посвящена пьесе Афиногенова. От весеннего солнца растаяла, погибла Снегурочка. От человеческого тепла, от заботы, любви, дружбы повзрослела, стала девушкой, да еще какой замечательной, — Машенька.

ВОПРОСЫ воспитания в школе и в семье, ответственность перед обществом за юное поколение, новые формы общения, не оставляющие места фальши, душевной черствости, равнодушию, — вот что волновало автора, создавшего «Машеньку», вот что сохранило эту пьесу. Иные места ее, например, когда Окаемов говорит школьникам о том, что им предстоит еще увидеть, словно написаны не 20 лет назад, а сегодня.

— Вы увидите, как кусочек угля с мой кулак будет отпалить громадный дом... Вы увидите, как жизнь челове-

**«Машенька»
в театре имени
К. С. Станиславского**

ская будет продлена на много лет... Вы услышите, как прозвучит на земле последний выстрел, и люди забудут, что такое война. Вы будете жить в новом мире, без войны...

Хочется сказать, что спектакль впечатляет, исторгает слезы умиления, вызывает взрывы смеха. Спектакль какой-то добрый, живой. В этом заслуга и обязательного С. Ляхницкого (Леонид Борисович), и мягкой Т. Семичовой (Нина Александровна), и душевной М. Кравчуковской (Мотя), да и всей молодой группы исполнителей (Виктор — Л. Савановский, Сеня — В. Нащекин, Леля — Л. Савченко, Галл — Е. Никитичкина).

Сцена озаряется светом подлинного искусства, юности, когда в хмурой и неуютной квартире Окаемова (образ «холодного дома» хорошо воспроизведен художником Н. Сulich) появляется О. Бран — Машенька. Эту роль играли многие. У одних великолепная актерская техника, тонкая наблюдательность, филигранная отделка роля с лихвой заменяли недостающую молодость. У других молодость искупала недостаток мастерства. Почти все исполнительницы Машеньки (а их очень много) имели успех.

Слишком уж «выгодно» написана роль. Почти все Машеньки являлись публике. Тем более трудной оказалась задача, стоявшая перед молодой актрисой.

Нужно признать, что Ольга Бран одержала решительную победу. Она передает всю сложную гамму переживаний своей героини: обидчивость и влюбленность, удивление людской подлостью и чувство товарищества, непримиримую принципиальность и желание сделать людей лучше, чем они есть.

Вот сцена с дедом в третьем акте. Изобличенный Верой Михайловной и истинности к родному сыну, в злости, потерявший единственное дорогое ему существо — Машеньку, старик Окаемов снова один. Горестно-восторженно проходит перед ним эпизод его одинокой жизни в пустом доме. И вдруг вырастает Машенька. Она входит тихо, ласково улыбается. Она прижимается к деду, и старик плачет. От счастья, от тепла. Он говорит о книгах, о детях, но все время смотрит на внучку. В ней смысл его существования. В ней и в ее товарищах. В ней радость бытия.

Даже одна этой сцены стоит пойти в театр имени Станиславского на этот спектакль. А таких сцен — искренних и глубоких, по-настоящему человеческих — в спектакле много.

РОЖДЕНИЕ нового всегда радостно. Не менее радостно и возрождение. Вспомнив старую пьесу А. Афиногенова, театр наполнил ее страстью сегодняшних дней. Получился спектакль современной, весьма своеобразный и удивительно симпатичный. Чья в этом заслуга? Художественного ли руководителя театра М. Яншина, решившего породить старую пьесу? Или режиссера П. Реанинова? Или Ольга Бран и других исполнителей? Или зрителя, так благодарно следящего за судьбой маленькой школьницы? Очевидно, всех вместе.

В ночь после премьеры «Машеньки», почти 19 лет назад, А. Афиногенов написал в дневнике: «Теперь до следующей встречи. И — скорой встречи с новыми героями... Как мне нравятся жить, когда меня любят... Всем, наверное, нравятся».

«Машеньку» любят. И любят по праву. За молодость. За чистоту. За талант.

И. Шток.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля: Машенька — артистка О. БРАН, Василий Иванович Окаемов — заслуженный артист РСФСР МИХАЙЛОВ.

© Г. КОРАВЕЛЬНИКОВА.